

Сэйитиро ТАКАХАСИ

ДОСТОЕВСКИЙ И “ГОРЕ ОТ УМА”

(с точки зрения проблем совести)

Предисловие

В предыдущей работе мы попробовали проанализировать употребление слова “совесть” в романе “Преступление и наказание”¹. И выяснили, что в этом романе Достоевский, указывая на опасность неправильного, абстрактного понимания совести, в то же время сумел показать важную спасительную функцию совести, связанную с нравственным чувством. Вслед за Бердяевым можно сказать, что до Достоевского никто так глубоко не исследовал тему раскаяния и угрызений совести².

Однако в его ранних произведениях не так часто употребляется слово “совесть”, и оно не имеет такую сложную функцию. Следовательно, в творчестве Достоевского шло развитие понимания проблемы совести. В этом смысле нам интересно отношение Достоевского к комедии “Горе от ума” Грибоедова. На первый взгляд кажется, что слово “совесть” не играет здесь важную роль. Но в одном месте Репетиллов говорит, что он “все отвергал законы! совесть! веру!”. В “Братьях Карамазовых” в устах Черга повторяется это выражение (15; 78). По нашему мнению, это выражение в последнем романе является хорошим свидетельством пристального внимания Достоевского к комедии Грибоедова.

Итак, в этой работе, принимая во внимание отношение Достоевского к комедии “Горе от ума” и рассматривая употребление слова “совесть” в произведениях некоторых писателей и самого Достоевского, рассмотрим эволюцию понимания Достоевским проблемы совести³.

1

Как известно, в записных тетрадях и произведениях Достоевского много цитат из “Горя от ума”. Например, в “Крокодиле”: “Дома новы, но предрассудки стары” (5; 206). В “Книжности и грамотности”: “Читать, читать, а после хватить!” (19; 5). В “Идиоте”: “Свежо предание, а верится с трудом” (8; 218). В “Бесах”: “Все врут календари” (10; 398). В “Подростке”: “Зачем же так секретно?” (13; 48). И эти цитаты играют очень важную роль в идейном содержании

Однако из его ранних произведений только в “Ползункове” цитируется “Горе от ума”. Но это не означает малый интерес Достоевского к этому произведению. Один из героев “Романа в девяти письмах” посещает Александринский театр и смотрит эту пьесу (1; 230). Хотя и в искаженном виде, но с 1831 года она ставилась в театрах. Молодой Достоевский смотрел эту пьесу, и она произвела на него большое впечатление. В романе “Подросток” хорошо изображен его восторг: “Я с замиранием следил за комедией; <...> В разъезде же, когда Чацкий крикнул: “Карету мне, карету!” <...>, я сорвался со стула и вместе со всей залой, разразившейся аплодисментом, захопал и изо всей силы закричал “браво!”” (13; 95).

Но почему в этот период Достоевский почти молчал о комедии? Причина его молчания ясна — “вольность” героя. Фамусов критикует Чацкого — “опасного человека”. Хотя Чацкий советует Репетилову, что “Вот меры чрезвычайны, // Чтоб взащей прогнать и вас, и ваши тайны”, сам он был изгнан из общества. К тому же, прототип Чацкого — Чаадаев — был арестован и назван сумасшедшим. Несмотря на разрешение постановки этой пьесы, хвалить ее было опасно.

Но все-таки в ранних произведениях Достоевского темы и образы пьесы “Горе от ума” играют очень важную роль в передаче вольных мыслей. Например, Бельчиков замечает, что у героя “Бедных людей” прорываются “вольные мысли”, которых он сам боится⁴. Можно сказать то же самое и о Юлядкине, герое “Двойника”, и Прохарчине. И многие герои раннего Достоевского страдают из-за затаенных вольных мыслей.

Таким образом, в этих произведениях Достоевского мы можем найти такую же структуру, как и в пьесе “Горе от ума”: герой сходит с ума из-за слухов, что он “опасный человек”, вольнодумец. В “Двойнике” и “Слабом сердце” оба героя в конце произведений названы сумасшедшими и в каретах отвезены в сумасшедшие дома.

Накануне ссылки Достоевского — “Ползунков”, единственное произведение, в котором есть цитата из “Горя от ума”. Герой оправдывает взятку следующим образом. Сначала он говорит: “Пусть я буду либералом, // Каких много видел я!”, и продолжает, цитируя слова Чацкого: “И дым отечества нам сладок и приятен!” (2; 8). Итак, здесь он изменяет смысл слов Чацкого и этим смешит присутствующих.

Но невозможно считать Ползункова простым шутком. Унижаясь, он смеется и над своим начальником, называя его подлецом (2; 15). Как объясняется в комментарии к произведению, этот комический тип был важным этапом в процессе создания таких героев, как Фома Опискин, подпольный человек, капитан Снегирев и Федор Павлович Карамазов (2; 474).

Кстати, этот персонаж в какой-то степени напоминает нам Репетилова. Цитируем слова дочери Достоевского: “Достоевский высоко ценил эту прекрасную сатиру на московскую жизнь и любил смотреть ее на сцене. Но он находил, что наши актеры не понимают ее, в особенности роль Репетилова, которым он очень восторгался и в котором видел истинного предшествен-

ника либеральной партии западников. Наши актеры изображают Репетилова комиком; Достоевский же считал этот тип глубоко трагическим". Далее она сообщает, что сам Достоевский хотел поставить "последнее действие бессмертной комедии" и работал над ролью Репетилова "очень серьезно"

Как известно, Репетилов сначала называет себя самым верным другом Чацкого, но в конце комедии не защищает его. А с другой стороны, в разговоре с Чацким, Репетилов все-таки признает: "С тобою говорю несмело, // Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак". Таким образом, отношение Ползункова к Чацкому напоминает нам отношение Репетилова к герою. Они оба, унижая постоянство Чацкого перед публикой, на самом деле уважают его и его "вольные мысли". Итак, мы считаем, что образ Репетилова оказал большое влияние на ранние произведения Достоевского, особенно на "Ползункова".

Хотя герои Достоевского боялись выразить свои "вольные мысли", сам Достоевский на суде мужественно осуждает цензурную политику, ставя имя Грибоедова в один ряд с именами Пушкина и Фонвизина: "Уже не могут существовать при строгости нынешней цензуры такие писатели, как Грибоедов, Фонвизин и даже Пушкин. Сатира осмеивает порок и чаще всего порок под личиною добродетели"

В этом смысле нам интересно, что в пьесах Фонвизина, которого Достоевский высоко ценил, слово "совесть" играет очень важную роль. Например, пьеса "Бригадир" заканчивается следующими словами: "Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже"

И в пьесе "Недоросль" Фонвизин говорит о совести и долге человека устами Стародума: "Всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельным. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за чтоб совесть угрызала"

По словам Фонвизина, совесть заставляет человека делать добро для блага общества даже против своей выгоды. В первых произведениях Достоевского мы не так часто встречаем слово "совесть". Но в период сближения Достоевского с кружком Петрашевского это слово употребляется чаще и имеет определенное значение.

В "Ползункове", где основной темой является проблема взятки, герой употребляет слово "совесть" несколько раз. Например, признавая получение взятки, он говорит, что взяточник "дал столько, за сколько иной в наше время предал бы совесть свою <...> Только меня варом обдало, когда я положил в карман денежки" (2; 9).

Также в "Слабом сердце" герой говорит другу Аркадию, что его мучит совесть (2;33), и следующие слова Аркадия хорошо объясняют причину сумасшествия героя: "Тебе больно, тяжело одному быть счастливым! Потому ты хочешь сейчас всеми силами быть достойным этого счастья и, пожалуй, для очистки совести сделать подвиг какой-нибудь!" (2; 38).

Наверное, и у Достоевского, который тогда серьезно искал справедливости и счастья для народа, понимание совести было схожим с тем, что у Фонвизина. Пожалуй, и Чацкий был воплощением совести для молодого

Достоевского. Спустя много лет Достоевский пишет в “Дневнике писателя”: “Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния” (21; 133). Наверное, и совесть Достоевского была спокойна.

Но стоит обратить внимание на такие слова Достоевского: “... я не сознавшись во всем и за это наказан был строже” (28; 224). И на допросе, высказывая свое мнение, он пишет: “Что же, если я ошибусь. Ошибки лежат на моей совести”. И заключает свое признание следующими словами: “Вот что я по совести могу отвечать на заданный мне вопрос”⁹.

А по свидетельству А.И.Пальма, Достоевский считал, что если нет другого способа для освобождения крестьян, то даже “через восстание” надо менять этот режим¹⁰. Видимо, Достоевский был уверен, что ради справедливости можно пролить кровь. Об этом свидетельствуют слова Достоевского в “Дневнике писателя”, где он признает, что “*Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности” (21; 129).

Таким образом, возникает важная проблема, которая впоследствии займет центральное место в романе “Преступление и наказание”: можно пролить кровь по совести или нет? Это было для Достоевского не абстрактным, а конкретным вопросом, связанным с жизненным опытом. Наверное, на каторге Достоевский стал глубже размышлять о совести и ее значении.

В “Записках из Мертвого дома” только один раз цитируется “Горе от ума” (то же самое выражение, что и в “Идиоте”): “Свежо предание, а верится с трудом”. Сама цитата не означает ничего особенного. Но хотим обратить внимание на то, что это выражение употребляется именно в момент размышления о преступлении и совести: “Арестант, например, хоть и всегда склонен чувствовать себя правым в преступлениях против начальства <...> Совесть его спокойна, а совестью он и силен и не смущается нравственно, а это главное” (4;147).

2

В “Зимних заметках о летних впечатлениях” Достоевский еще тепло относится к Чацкому, предшественнику “лишнего человека”. Здесь, цитируя слова Чацкого и принимая поставленную Чацким проблему поколений, он размышляет о характерных чертах трех поколений русской интеллигенции: о фонвизинских героях, что служили, “отважно жертвуя затылком”, о поколении их внуков, которые стали “вполне европейцами” (5; 57), и наконец о среднем поколении, о Чацком. Достоевский характеризует Чацкого следующим образом: “Чацкий – это совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый, восторженный, страдающий, взывающий и к России, и к почве, а между тем все-таки уехавший опять в Европу, когда надо было сыскать, // Где оскорбленному есть чувству уголок... –” (5; 61).

Далее он продолжает: “Это фразер, говорун, но сердечный фразер и совестливо тоскующий о своей бесполезности”. И заключает: “Не понимаю

я только одного: ведь Чацкий был человек очень умный. Как это умный человек не нашел себе дела?” (5; 62).

Итак, в связи с образом Чацкого Достоевский размышляет о характере русской интеллигенции. Кстати, характеристики образов Чацкого и Онегина во многом совпадают. Значит, Достоевский понимал Онегина через образ Чацкого. Но в отличие от Чацкого, который никого не убил, Онегин убил Ленского и “в тоске сердечных угрызений” глядел на мертвого друга (Пушкин, V, 116)¹¹.

Как отмечает Д. Д. Благой, после возвращения из Сибири Достоевский снова начал перечитывать произведения Пушкина¹². А Пушкин довольно часто употребляет слово “совесть” в связи с убийством. Например, в поэме “Братья разбойники” герои сначала “совесть отогнали прочь” (Пушкин IV, 126), но потом у младшего брата появились мучения совести, его начало преследовать видение старика, ими зарезанного (Пушкин, IV, 128). В “Борисе Годунове” Борис говорит: “И мальчики кровавые в глазах... // И рад бежать, да некуда... ужасно! // Да, жалок тот, в ком совесть нечиста” (Пушкин, V, 209).

В.С.Узин, обращая внимание, как употребляет Сильвио слово “совесть”, и комментируя подробное описание состояния страдающего графа в повести “Выстрел”, замечает, что “перед нами уже не мститель, а строгий, нелицеприятный судья. Он предаёт графа его “совести”, он изрекает приговор: граф теперь может жить, так как жизнь стала для него полной высокого смысла и значения”¹³.

На наш взгляд, его интерпретация очень важна. Наверное, как указывает Р.Н.Поддубная, Достоевский внимательно вдумывался в трактовку мотивов мести и “права” на убийство в произведениях Пушкина, изучал его понимание спасительной функции совести¹⁴.

В этом смысле интересуют нас и употребление слова “совесть” в “Пиковой даме”. В первый раз это слово употребляется тогда, когда Германн услышал торопливые шаги Лизы: “В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло” (Пушкин, VI, 225). Во второй раз слово “совесть” появляется в речи Томского, когда он говорит Лизе о Германне, что “на его совести по крайней мере три злодеяния” (Пушкин VI, 228). В самом деле Германн, сообщая Лизе о том, что он явился причиной смерти графини, “не чувствовал угрызения совести при мысли о мертвой старухе” (Пушкин, VI, 229). Но все-таки он участвовал в похоронах графини, поскольку “не чувствуя раскаяния, он не мог однако совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи!” (Пушкин, VI, 231).

Таким образом, мы можем наблюдать три этапа пробуждения совести у Германна. Сначала, думая о злодеянии, он хоть короткое время чувствовал угрызения совести, но не обратил на это внимания. После смерти старухи он не раскаялся. Однако под конец почувствовал угрызения совести. Подобный процесс мы видим и у Раскольникова.

Еще вкратце обратим внимание на употребление слова “совесть” в пьесах А.И.Островского, так как Достоевский сравнивает произведения Остро

и кого с пьесой Грибоедова (24; 304–307). А.Н.Островский одно время работал в Московском совестном суде, где судят по совести, пожалуй, поэтому в его пьесах слово “совесть” довольно часто употребляется. Например, в “Домодном месте” проблема совести занимает почти центральное место, и уже в начале пьесы герой утверждает: “Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага”. А его дядя, который получает взятку, убеждает: “Спокойствие совести тоже не спасает тебя от голоду”¹⁵. В середине пьесы, столкнувшись с серой действительностью, герой жалуется одному юристу: “Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем нас учили!”. И этот юрист, утешив героя, говорит ему о себе: “Я человек потерянный. Постарайся быть лучше меня”¹⁶. Эти слова напоминают нам слова Порфирия: “Я поконченный человек, <...> А вы — другая статья: вам Бог жизнь приготовил” (6; 352). Здесь оба юриста утешают героев-теоретиков и хотят передать им жизненную силу. Вероятнее всего, сходство их слов показывает внимательное размышление Достоевского над этой пьесой.

Кстати, уже в первой пьесе — “Свои люди — сочтемся!” — Островский показывает весьма своеобразное понимание совести Подхалюзиним: “Говорят, надо совесть знать, да известное дело, надо совесть знать, да в каком смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть!”¹⁷. А в 1859 г. вышел сборник статей Добролюбова, где автор, цитируя слова Подхалюзина, написал: “Видите, что и Подхалюзин не изверг, и он совесть имеет, только понимает по-своему”¹⁸. Таким образом, Добролюбов обратил внимание на опасность неправильного понимания совести.

Наверное, такая интерпретация потрясла Достоевского, который внимательно читал и изучал произведения этих двух литераторов. Достоевский тогда не написал специального отзыва на эту тему. Но спустя несколько лет редакция “Времени” получила письмо, в котором, защищая Добролюбова как “великого бойца за правду” (по словам самого же “Времени”), автор упрекал редакцию “в явной недобросовестности и непоследовательности”, припоминая прежние резкие высказывания в адрес критика. Достоевский резко отреагировал на это письмо.

Достоевский, отстаивая неоднозначное мнение редакции о Добролюбове, пишет, что даже “человек, <...> убежденный в правде глубоко” может начать “колотиться об стену головою”, “чтоб достигнуть своей благороднейшей цели” - то есть ошибаться “в средствах, им употребляемых” для достижения его цели. И далее он утверждает: “гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются” (20; 74).

Сам Достоевский признает, что словосочетание “стуканье лбом” “довольно грубое”. Но если “стуканье лбом” заменить выражением “убийство человека”, и если “человек, убежденный в правде глубоко”, начнет понимать совесть “по-своему”, как Подхалюзин, то как результат — трагедия Раскольникова.

И в самом деле, героем романа “Преступление и наказание” избран человек, который совершает убийство “как умник” (6; 321) и потом сильно страдает. Таким образом, и у Раскольникова было горе от ума. К тому же, по нашему мнению, выражение Репетилова: “Все отвергал: законы! совесть! веру!”, – не только нашло отражение в словах студента: “Я ничего не хочу говорить против долга и совести”, – но и повлияло на тему самого романа.

В последующих романах, особенно в “Бесах” и “Подростке”, Достоевский углубляет свое размышление о характере современной интеллигенции и моральных проблемах поколения.

Как известно, и в последнем романе – “Братья Карамазовы” – одной из главных тем является отцеубийство. Кстати, в пьесе “Горе от ума” Софья остро критикует Чацкого следующими словами: “На что вы мне? // Да, правда, не свои беды – для вас забавы, // Отец родной убейся – все равно”.

3

На первый взгляд кажется, что роман “Идиот” не находится под сильным влиянием “Горя от ума”. Но Гришунин замечает ряд сходств между этими произведениями: “В Мышкине очень много от Чацкого. Его выступление на вечере у Епанчиных совершенно аналогично монологу Чацкого на балу у Фамусова о “французике из Бордо” <...> Мышкин, как и Чацкий, приобретает репутацию сумасшедшего, “идиота” <...> Дом генерала Епанчина во всем подобен дому Фамусова: в нем царит грибоедовский дух: Ганя Иволгин очень похож на Молчалина, а княгиня Белоконская аналогична знаменитой грибоедовской княгине Марье Алексевне”¹⁹.

В самом деле, его интерпретация хорошо объясняет, почему Ипполит хоть не точно, но цитирует слова Фамусова: “... и что княгиня Марья Алексевна не забранит, ха-ха! . . .” (8; 247).

Королева пишет, что “во мнении Гришунина справедливо все, кроме сопоставления Чацкого с князем Мышкиным. Кроме мотива сумасшествия <...> в этих типах все остальные черты антиподны”²⁰.

И нам сначала кажется так. Но вспомним, что в подготовительных материалах для “Крокодила” есть такие выражения: “Что такое философ? Слово “философ” у нас на Руси есть слово бранное и означает: дурак. <...> Тот же видел Александра Андреевича Чацкого” (5; 329). А в “Идиоте” Аделаида говорит Мышкину: “...вы философ и нас приехали поучать” (8; 51). Мы можем найти почти одинаковую структуру в обоих произведениях: оба героя приезжают из-за границы, страдают на родине и, став “сумасшедшими”, опять уезжают за границу.

К тому же и в этом романе проблема совести стоит на первом месте. Мышкин, который цитирует одну из заповедей “Не убий” (8; 20), – дает глубокую интерпретацию совести: “...самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что он нехорошо поступил”, а другие, которые свершили преступление по идее, “думают про себя, что право имели и... даже хорошо поступили” (8; 280).

В “Униженных и оскорбленных” молодой Алеша Валковский рассказывает о “молодежи”, которая собирается по средам у “Левеньки и Бореньки” “все они с пламенной любовью ко всему человечеству” (3; 309). Как замечает С.А.Фомичев, эти имена “чудесных ребят” пришли из речи Репетилова²¹. Но в этом романе Достоевский уже критически относится к своей ранней идее и мечтательности Алеши.

А в романе “Бесы” Петр Верховенский утверждает необходимость массовых убийств: “...но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?” (10; 315). Его теория напоминает слова Порфирия, который остро критиковал понимание совести Раскольниковым в романе “Преступление и наказание”: “А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!” (6; 351).

В черновике романа “Бесы” уже довольно сильно критикуется герой “Торя от ума”: “*Чацкий* и не понимал, как ограниченный дурак, <...> Он был барин и помещик, и для него, кроме своего кружка, ничего и не существовало. Вот он и приходит в такое отчаяние от московской жизни высшего круга” (11; 86–87). В том же черновике написано: “*Главное*. Об Князе слухи перед приездом его к нам, об его высших связях в Петербурге, с министрами (Грибоедов)” (11; 153). Это напоминает нам, прежде всего, речь Молчалина: “Татьяна Юрьевна рассказывала что-то, // Из Петербурга воротясь, // С министрами про вашу связь, // Потом разрыв...”. В комментарии к роману “Бесы” сказано, что это “намек на дипломатическую деятельность поэта А.С.Грибоедова” (12; 345).

А.Боген обращает внимание на слова Черта в романе “Братья Карамазовы”: “Я вот думал давеча, собираясь к тебе, для шутки предстать в виде отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке” (15; 81–82). И указывая на то, что эти факты в основном совпадают с биографией Грибоедова, он замечает, что этими словами Черт подсказывает, что он хотел появиться в образе Грибоедова²². Замечание Богена очень правдоподобно, так как после этих слов Черт сразу говорит Ивану: “И все ты о том, что я глуп. Но Бог мой, я и претензии не имею равняться с тобой умом” (15; 82). Как известно, Пушкин отзывался о Грибоедове: “...это один из самых умных людей в России”. Значит, Черт хотел польстить Ивану.

К тому же, перед этими словами Черт, цитируя слова Репетилова, говорит, что “у вас на земле” был один “философ, “все отвергал, законы, совесть, веру””. И на вопрос Ивана: “А какие муки у вас на том свете <...>?”, — Черт отвечает: “...выиграли одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых еще оставалась совесть и честь... ” (15;78).

В последние годы жизни, рассуждая о нравственности, Достоевский высоко оценивал человека, который не совершил убийства, даже если убеждения призывали его к этому. По мысли писателя, человек бранит себя в уме

за трусость, но совесть не позволяет совершить убийство (27; 57). Значит, Достоевский видел в совести спасительную функцию, которая предотвращает убийство. Замечание Достоевского очень важно, поскольку в современном мире, когда многие государства имеют атомное оружие, третья мировая война означает гибель всех людей.

Итак, по нашему мнению, комедия “Горе от ума” послужила Достоевскому поводом для более углубленного исследования понятия “совесть”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такахаси С. Проблема совести в романе “Преступление и наказание” // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1992. Т. 10. С. 56 — 62.

² Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Paris, 1968. С. 102.

³ В этой работе мы совместили два доклада, прочитанные на VIII и IX симпозиумах Международного Общества Достоевского, поскольку по содержанию они очень тесно связаны.

⁴ Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 61.

⁵ Достоевская Л. Достоевский в изображении его дочери / Пер. Л.Я.Круковской. М., Пг., 1922. С. 92 — 93.

⁶ Бельчиков. Указ. произведение. С. 102.

⁷ Фонвизин Д.И. Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 84.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Бельчиков. Указ. произведение. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977-1979 (при цитатах: Пушкин, том — римская цифра, страница — арабская).

¹² Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 344 — 426.

¹³ Цит. по: Поддубная Р.Н. Герой и его литературное развитие // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 63 — 66.

¹⁵ Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973 — 1980. Т. 2. С. 51 — 52.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 82.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 109.

¹⁸ Добролюбов Н.А. Литературная критика в 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 102.

¹⁹ Гришунин А.Л. Грибоедов и “Горе от ума” в наследии Достоевского // Искусство слова. М., 1973. С. 194 — 195.

²⁰ Королева Н. Достоевский и “Горе от ума” // Достоевский и театр. Л., 1983. С. 149.

²¹ Фомичев С.А. Комедия А.С.Грибоедова “Горе от ума”: Комментарий. М., 1983. С. 170.

²² Боген А.И. Достоевский и Грибоедов (дополнение к комментарию) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 295.